

Терри Джонсон, Кристофер Дандекер, Клайв Эшуорт

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
УСЛОВИЯ ФРАГМЕНТАЦИИ И ЕДИНСТВА**

Terry Johnson, Christopher Dandeker, Clive Ashworth.

Theoretical Sociology: The Conditions of Fragmentation and Unity.

In: T.Johnson, C.Dandeker, C.Ashworth. The Structure of Social Theory.

Dilemmas and Strategies. London: Macmillan, 1984, ch.1, p.1-28.

© T.Johnson, C.Dandeker, C.Ashworth, 1984

Перевод к.ф.н. Н.А.Поляковой

Десятилетие назад преподаватели социологии считали вполне правомерным обсуждать со студентами вопрос о том, является ли социология наукой. Такой подход неявно требовал от посвящаемых положительной оценки данной дисциплины еще до того, как они с ней ознакомятся. Кроме того, он подразумевал, что социология воплощает в себе единство целей и методов их практического осуществления и, наконец, что существует совокупность более или менее устоявшихся критериев определения науки, как естественной, так и социальной.

Сейчас и опытные преподаватели социологии не рискуют столь однозначно трактовать проблему, поскольку предмет анализа в течение последних десяти лет претерпел существенные изменения. Мы испытали то, что можно назвать кризисом фрагментации, который предстает в двух основных измерениях: как фрагментация через специализацию и как фрагментация через теоретическую конфронтацию. Давайте рассмотрим последовательно каждое из этих направлений.

В 60-70-е годы наблюдалась экспансия социологии как академической дисциплины: во многих университетах и политехнических институтах создавались социологические факультеты, росло число преподавателей социологии и изучающих эту дисциплину студентов. Этот процесс шел не только в Великобритании, но в той или иной степени был характерен для всех стран Западной Европы и для Соединенных Штатов, а отчасти и для развивающихся стран. Расширение масштабов социологического образования в значительной степени было обусловлено ростом интереса к некоторым специфическим областям социальной жизни. Нет сомнения, что с возрастанием численности людей, желающих научиться «социологическому взгляду на мир», социология все больше становилась дисциплиной с отчетливо выраженными имперскими амбициями, а исследования самих социологов все больше специализировались: от социологии образования к социологии образовательных программ; от социологии литературы к социологии языка; от социологии медицины к социологии смерти и т.д. Подобно тому как это происходило со всеми империями, возникавшими на основе быстрого развертывания сил на обширных территориях, социология пугала и озадачивала колонизуемые области. Кроме того, возникало большое

напряжение в сфере ресурсов и резервных возможностей социологии: быстрое увеличение специализированных областей исследования привело к появлению специалистов, создающих собственную «локальную» сферу, разрабатывающих собственные методы и стили исследования и постепенно теряющих систематический контакт с какой-либо унифицированной и общепринятой концепцией предмета исследования.

Специфической чертой этого процесса фрагментации было сохранение и укрепление в качестве специализированной такой сферы, которая обозначается как «теория», «социальная теория» или «теоретическая социология». Тем самым подразумевалось, что социологический анализ конкретных областей социальной жизни имеет в лучшем случае непрямую, а в худшем – прозрачную связь с таким «специальным» делом, как теория. Дело выглядело таким образом, как если бы наша имперская социологическая армия отправилась в колониальный поход, оставив на базе все службы обеспечения для переоснащения и обучения. Именно такое «специфическое» разделение труда в социологии создало еще более благоприятные условия для фрагментации. Специализированные исследования привели к закономерному результату – конкретному специализированному знанию. Как следствие возникла точка зрения, делающая из нужды добродетель и отстаивающая необходимость довольствоваться фрагментарной специализацией, что означает, в конечном итоге, отказ от всяких остатков имперских амбиций, основанных на стремлении создать «большие» теоретические схемы, охватывающие все социальные науки. Такой подход, возможно, практичен, но лежащая в его основе посылка о том, что развитие и история общества не обладают закономерностями, которые могут быть познаны, по-прежнему интенсивно оспаривается.

Второй источник фрагментации лежит внутри самой теоретической социологии. Процесс дробления специализированной «теории» на все увеличивающееся число школ и направлений зашел настолько далеко, что социологи были вынуждены тратить больше времени на внутренние дебаты и попытки консолидации, чем на конструктивное обсуждение конкурирующих теоретических концепций. Структуралисты, феноменологи, этнометодологи, представители теории действия, символические интеракционисты, функционалисты и марксисты делились на все большее число новых направлений и школ. Например, появились этнометодологи, которые не могут понять друг друга, не говоря уже о том, чтобы вступить в коммуникацию с представителями теории действия или структуралистами.

Взятые вместе, два источника фрагментации – специализация и дробление теоретических подходов – обусловили постепенное превращение различных специализированных областей исследования в прибежище разных теоретических школ, создавая тем самым все больше проблем с точки зрения коммуникации и реагирования.

Говоря о «кризисе фрагментации», разворачивающемся в социологии в течение уже более десяти лет, мы вовсе не склонны предаваться ностальгическим воспоминаниям о «золотой эпохе», когда единая теоретическая схема обеспечивала согласованную интеллектуальную базу для прогрессирующего и контролируемого распространения социологии в различные интересующие ее области. Подобная ситуация была

характерна для нашей дисциплины в послевоенные годы, то есть до середины 60-х годов. Однако не все то золото, что блестит.

Именно в этот период, когда Соединенные Штаты доминировали на политической арене, в западной академической социологии преобладал подход, известный как структурный функционализм. Разрабатывая его основы, американские социологи опирались на самые разные социологические традиции, а не только на достижения социальной антропологии, почерпнутые из британского колониального опыта. Несмотря на существование серьезной подспудной оппозиции со стороны традиционных концепций, восходящих главным образом к Марксу и Веберу, а также американского прагматистского символического интеракционизма (и которые, заметим, во многом были успешно абсорбированы структурным функционализмом, хотя и в модифицированной форме), структурный функционализм служил «парадигмой», в терминах которой осуществлялась поначалу разработка предмета. Структурный функционализм определил главные направления дебатов в социологии: в какой мере западные промышленные общества, воспринимаемые как институциональные системы, являются консенсусными и способны двигаться к мирному, богатому будущему, основанному на применении прогрессивной технологии; является ли подобный прогресс проблематичным из-за расхождений интересов внутри общества, проистекающих из различных возможностей доступа к привилегированным социальным статусам. В соответствии со второй точкой зрения конфликт – и как свойство общества, и как механизм социального изменения, – оказался более значимым социальным явлением, чем то, желая признать господствующий функционализм. Тем не менее предполагалось, что такие конфликты будут постепенно разрешаться по мере развития и утверждения общества всеобщего благосостояния. Что касается обществ «третьего мира», то они рассматривались в основном как «развивающиеся», то есть считалось, что в будущем они также смогут воспользоваться плодами индустриальной технологии и политической демократии.

Серьезная проблема возникла в связи с центральным положением «ролевой теории» в структурном функционализме. В рамках этого подхода социальное действие рассматривается как формируемое в зависимости от общепринятых ожиданий, усвоенных индивидами в процессе их воспитания и социализации. Предмет спора состоял в утверждении, что подобный подход предлагает «сверхсоциализированную» концепцию действующего субъекта (actor), переоценивая значение социальных предписаний, заставляющих «актеров» менять роли, подобно тому как хамелеон меняет свои цвета. Альтернативная точка зрения – «теория действия» – отрицала взгляд на индивида как на пассивного реципиента социального порядка и утверждала, что структура сама является продуктом индивидуального действия.

Предметы спора – конфликт–консенсус и «актер»–система – никогда до конца не разводили спорящих, поскольку у них были общими многие послышки, касающиеся природы социальной реальности и пригодных для ее познания средств. При этом главная послышка состояла в том, что любой спор может быть разрешен посредством проверки теории фактами, природа которых может быть установлена вне зависимости от надежности той или иной теоретической точки зрения. При

помощи «свободных от теории» фактов можно показать, являются ли современные общества консенсусными, конвергирующими и т.д. Далее, несмотря на расхождение социологов по некоторым проблемам, безоговорочно принималась идея о том, что общество является *системой* и, таким образом, «внешним объектом», который должен быть изучен.

Большинство социологов признавали, что хотя социологические обобщения не могут пока (а некоторые считали, что никогда) достигнуть точности и универсальности, присущей естественным наукам, тем не менее накопление социологического знания (выраженного в обобщениях, логическая форма которых приближена к соответствующей теории естественных наук) должно быть общей целью. Различия между методами естественных и социальных наук считались либо незначительными, либо поддающимися исправлению, а вопросы, являвшиеся в прошлом предметом крупных дебатов, – решенными раз и навсегда.

Однако эти казавшиеся незыблемыми посылки, на которых основывалось единство теоретических дебатов 50 – начала 60-х годов, были поколеблены в конце 60-х, когда вновь возникли споры вокруг казавшихся решенными методологических проблем. Пионерские тексты, принадлежавшие Уинчу, Гарфинкелю и Сикурелю (Winch, 1958; Garfinkel, 1967; Cicourel, 1972), заставили вновь обратиться к вопросу о том, должны ли социологи заниматься интерпретацией социальной деятельности или подчинять ее поведенческим законам на манер естественных наук. «Новая» философия науки – особенно проблемы, поднятые в «Структуре научных революций» Т.Куна (Кун, 1977), – проникла в социологию и поставила под сомнение считавшееся очень многими социологами бесспорным представлением о том, что теории могут быть построены и проверены посредством «нейтральных в теоретическом отношении» фактов.

Между тем мирный и опирающийся на технологию прогресс, который структурный функционализм рассматривал как характерную для западных, а потенциально и для всех обществ черту, превратился в миф в контексте таких событий, как война во Вьетнаме, городские волнения в США, глубокий экономический спад 70-х годов. Вследствие происшедших в мире событий марксизм обрел новое дыхание (претерпевая в то же время внутреннюю фрагментацию). Марксизм подпитывался теми «новыми направлениями» в социологической теории, которые имеют распространение по сей день, одновременно внося в них свой вклад. В результате всего этого ныне социологи согласны между собой лишь в том, что главной характеристикой их дисциплины является фрагментация.

Нашим ответом на эту ситуацию является данный текст, в котором мы стремимся достичь четырех главных целей. Во-первых, показать, как «теория» или «теоретизирование» присутствует во *всяком* социологическом анализе конкретных социальных отношений, и тем самым продемонстрировать, что знание теоретических споров в социологии необходимо даже тем, кто занимается анализом специфики социального мира. Как будет показано ниже, большинство конкретных социальных наблюдений не может не опираться на теорию. Каждый социолог является теоретиком.

Во-вторых, обеспечить систематическую классификацию или «концептуальную карту» дебатов в теоретической социологии. Мы считаем, что распространение теоретических школ или «парадигм» в социологии

носило и носит *упорядоченный* характер. Существуют фундаментальные вопросы и проблемы, которые рассматриваются всеми конкурирующими теориями. Это лежащее в основе социологии единство можно реконструировать, что позволит систематически сопоставить конкурирующие теоретические традиции.

В-третьих, мы считаем, что осмысление ведущихся в социологии дебатов предполагает выработку способов оценки притязаний различных теоретических традиций. В частности, мы утверждаем, что существуют надежные критерии для принятия или отрицания различных теоретических конструкций или каких-то их аспектов. Теоретические предпочтения не являются произвольными и/или укорененными в эмоциях, как многие полагают сейчас.

В-четвертых, на основе предыдущих аргументов мы укажем те направления, следуя которым теоретическая социология сможет устранить источники фрагментации, о которых говорилось выше.

ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Отрицая возможность возникновения систематической теории на основе долговременного накопления эмпирически обоснованных специализированных исследований, мы утверждаем, что любой анализ социальных отношений заведомо предполагает имплицитную приверженность какой-либо общей связующей теории. Всякий социологический анализ связан с определенной стратифицированной формой теоретизирования. В качестве примера рассмотрим влияние религиозных верований на социальную деятельность.

Любой анализ религии предполагает определение религии как системы верований и социального действия особого типа, а тем самым и определенные воззрения на природу общества, одним из компонентов которого является религия. Такой анализ должен также включать решение проблемы приобретения знаний о религии и влиянии религиозных верований. Разумеется, можно было бы утверждать, что сам характер решения подобных проблем будет диктовать результаты эмпирического исследования, а потому предпочтительно отложить их рассмотрение до завершающей стадии анализа, когда суждение о том, что такое религия и каков характер ее воздействия, можно будет вывести на основе накопленных данных.

Но такой аргумент мы отвергаем, поскольку он основывается на предположении, что уже «известно», что есть религия, хотя бы на уровне «общепринятых» представлений. В самом деле, имплицитное веберовское определение религии как веры в сверхъестественное основывалось на представлении, существующем в западных обществах на уровне здравого смысла. Само это представление проистекает из дуализма явлений «этого мира» и явлений «иного мира», утверждаемого в иудейско-христианской традиции.

Определить религию социологически как набор верований и связанных с ними форм поведения означает сделать предположение как о природе социального действия, так и о соответствующих процессах приобретения знания о ней. К примеру, веберовский взгляд на религию связан с его утверждением, что человеческое поведение, даже бу-

дучи подчиненным внешним, материальным условиям и укорененным в материальных потребностях (еде, крове и т.д.), является, по существу, осмысленным.

Человеческая деятельность предполагает осознанное поведение. Человек не только приспосабливается к природе, но и планирует деятельность таким образом, чтобы реализовать свои цели в условиях материальных ограничений. Тем не менее сознание, опосредованное языком, позволяет людям дистанцировать себя от непосредственного окружения и предполагает, что они каким-то образом истолковывают свое положение в этом мире. Они вынуждены задумываться о смысле своего существования. Эти вопросы высшего смысла, встающие перед людьми как использующими язык существами, и отличают их от других животных видов.

В то время как Вебер признает секуляризацию, то есть ослабление веры в «сверхъестественный мир», его концептуализация социального действия опирается на утверждение, что религиозная потребность в высшем смысле сохраняется и в секуляризованном мире. Торжество науки и технологии в современном индустриальном обществе не побудило людей к принятию «посюстороннего» материализма. «Религиозная потребность» и соответственно проблема высшего смысла постоянно присутствуют в самых процветающих обществах.

Веберовская основательная интерпретация религии дополняется пониманием того, как должен работать социологический анализ, например, религий или какого-либо другого явления социального мира. Для Вебера единицей социологического анализа был *индивидуальный актер* – «единичный носитель осмысленного поведения». Под этим он подразумевал, что социальные группы и общество в целом должны пониматься как сложные агрегации индивидуальных действий, *типологизированных* наблюдателем для целей сравнительного и исторического анализа. Вот почему отправным пунктом веберовской социологии религии был факт столкновения индивида с проблемами высшего смысла.

Тем не менее этот отправной пункт не был обусловлен фактами. Наоборот, он являлся продуктом специфической модели конституирования знания в социальных науках. Вебер придерживался точки зрения, согласно которой социальные науки *навязывают* порядок бесконечно сложному опыту наблюдателя, то есть тому, что может быть наблюдаемо. Этот порядок отражает интерес наблюдателя (что является для него значимой проблемой) и, кроме того, степень приспособления социологической абстракции к постижению индивидуальных или общих событий. К примеру, и детальный анализ кальвинистской теологии, и обобщающие сравнения западного аскетизма и различных типов восточного мистицизма для Вебера остаются абстракциями, поскольку даже наиболее конкретные исследования не в состоянии исчерпать все детали явления. Абстракции не могут рассматриваться как проникновение в «реальность» социального; они являются всего лишь эвристическими средствами, необходимыми для определения степени отклонения конкретной реальности от идеализированных концептуализаций наблюдателя. Так, веберовский анализ кальвинизма не вскрывает «сущность» кальвинизма, он только фокусируется на некоторых аспектах, позволяющих выявить, насколько одни религиозные верования (например, лютеранство) более схожи с кальвинизмом, чем другие сис-

темы верований, которые также могут быть «идеализированы» для целей сравнительного анализа.

Из веберовских рассуждений следует ряд выводов. Единицей анализа в веберовской социологии является индивидуальный актер, а общество предстает как совокупность различных типов индивидуального поведения. Это следует из его понимания того, как должен осуществляться социологический анализ, а именно путем абстрагирования от частного опыта наблюдателя. Понятия – это гипотетические, эвристические средства для упорядочения опыта и подготовки данных для каузального анализа, а не для описания реальности как таковой.

Более того, следуя методу, требующему, чтобы объект был наблюдаемым, Вебер сталкивается с трудностями при исследовании тех смыслов, которыми актеры наделяют свое поведение. Вебер предполагает, что интерпретации смысла поведения могут быть обоснованы только с помощью утверждений относительно поведения. К примеру, если утверждается, что «внутреннее душевное одиночество» является результатом веры в догматы кальвинизма и что такая вера ведет к рационализации практического (в частности, экономического) мирского поведения, то мы можем убедиться в том, что это реальность (а не плод нашего воображения), через эмпирическую оценку частоты связей и, возможно, установление каузальных отношений между двумя наблюдаемыми группами явлений – кальвинистской верой и рациональным экономическим поведением. Такое заключение может быть подкреплено указанием на то, что противоположные или различные верования ведут к неодинаковым экономическим последствиям, – достаточно сопоставить восточный мистицизм и уход от мира с аскетическим и мирским поведением европейцев.

Вебер в целом одобрительно (несмотря на определенные неясности в его позиции) относился к идее о том, что конфликтующие интерпретации событий (и смыслов) могут найти решение в рамках нейтральных по отношению к теории данных, с оговоркой, что анализ любого исторического события никогда не может быть полностью исчерпывающим. Эти проблемы теоретического мышления имплицитно в веберовском подходе к религии, хотя сведения о религии, являющиеся вроде бы нейтральными в теоретическом отношении, не требуют их постановки. И неудивительно, что совершенно различные стили теоретизирования могут приводить к противоположным результатам при анализе одного и того же социального явления. Примером тому является Дюркгейм.

В противоположность веберовскому анализу религии, подход Дюркгейма основан на идее о том, что религия есть социальный факт – коллективная реальность, совершенно отличная и не идентифицируемая с совокупностью индивидуальных решений социально-психологических проблем высшего смысла.

Как и Вебер, Дюркгейм, осуществляя анализ, приводит в действие весь арсенал социологического теоретизирования. Вновь в центр выдвигаются две проблемы: природа социального действия и процесс приобретения знаний о его структуре. Подобно Веберу, Дюркгейм утверждает, что человеческая деятельность предполагает использование культурных символов и что действие несводимо к материальным условиям. Социальные правила и конвенции, воспроизводимые посредством языка, отделяют социальный мир от природного. Однако Дюрк-

гейм расходится с Вебером, утверждавшим, что различие природного и социального миров обуславливает радикальное размежевание между методами естественных и социальных наук.

Дюркгейм считает, что социология обладает значительно большей познавательной силой, чем это готов был признать Вебер. Это явствует из определения религии у Дюркгейма. Проводимое им разграничение священного и профанного мира противостоит веберовскому (обычному для бытового сознания) разделению на «этот мир» и «иной мир». Дюркгейм рассматривает религию (верования и практику, относящуюся к священным вещам) как универсальное достояние социальной жизни. Она изменчива по своему содержанию, но никогда не исчезает. Например, общество не может характеризоваться через Бога как сверхприродное существо, но вера в священные ценности не может быть элиминирована. Такова роль, приписываемая Дюркгеймом национализму и моральному индивидуализму в качестве средств сдерживания «религиозности» в современных индустриальных обществах. Дюркгеймовский взгляд на универсальность религии в большей степени соответствует его собственной (высокой) оценке познавательной силы социологии, чем более осторожный веберовский подход. Вебер не разделял надежды на возможность формулирования универсальных законов социальной жизни. Впрочем, эта точка зрения (даже если она и верна) плохо согласуется с его анализом проблем высшего смысла, с которыми, как представляется, сталкиваются все действующие субъекты.

Дюркгеймовское воззрение, провозглашающее универсальность религии, опирается на тезис о том, что религиозные верования позволяют индивидам составить представление о социальных структурах и природном окружении. Индивиды зависят от общества, а религия является всего лишь формой коллективного знания об обществе и природе, а также моральной санкцией, призванной способствовать социальной интеграции. Вера в существование души – вовсе не «невежественный миф», а признание и освящение того факта, что общество или коллективная жизнь является по отношению к жизни индивида трансцендентными и определяют ее смысл.

Дюркгейм не разделяет тезис о том, что актер является конститутивным элементом социологического анализа, а общество представляет собой лишь сложную матрицу взаимодействий между субъектами. Скорее он придерживается мнения, что условиями взаимодействия являются социальные факты, коллективные представления или социальные течения. В результате религия рассматривается как выражение самосознания общества и его контекста. Именно это представление Вебер хотел элиминировать из социологического анализа. Так, самоубийство является для Дюркгейма не результатом реализации намерения актера, возникающего под влиянием различных ограничительных нормативных и материальных условий (как считал Вебер), но примером таких социальных явлений, как эгоизм или аномия. Понятие аномии не является эвристическим средством наблюдателя, суммирующим отдельные индивидуальные случаи. По Дюркгейму, общество и групповая жизнь не могут быть сведены к совокупности индивидуальных действий без того, чтобы потерять *raison d'être* социологии как дисциплины.

Дюркгейм отстаивает приоритет общества как предмета социологии. Делается это при помощи (не лишенной двусмысленности) аргу-

ментации, наделяющей социологию такими возможностями постижения социальной реальности, которые никогда бы не признал Вебер. Дюркгейм (в противоречии со своим собственным представлением о том, что социологический анализ должен быть свободен от любых предвзятых мнений и исходить из «фактов») подходил к религии и другим социальным явлениям с теоретической моделью природы общества, условий его существования и исторического развития, которая, как мы увидим, не выводится непосредственно из наблюдений. К примеру, его определение религии имеет, в противоположность веберовскому, эксплицитный универсальный референт. Интересуясь условиями и последствиями функционирования конкретных религий, Дюркгейм, в противоположность Веберу, интересовался в первую очередь универсальным социальным значением религии. Дюркгеймовский рационально-дедуктивный подход к теоретическому исследованию религии проявляется не только в ее определении. Выбранный им подход, основанный на конкретном исследовании, то есть анализе тотемизма у племени арунта, свидетельствует, что эта религия рассматривается им как имеющая универсальное значение. На примере изучения тотемизма как наиболее элементарной религиозной формы можно выявить основополагающие структуры и функциональные элементы, характерные для всех религий, а именно, когнитивное опосредование дуализма священного и профанного, а также организацию освященной ритуальной практики.

Дюркгейм, в противоположность Веберу (и в разрез с собственным представлением об особом значении сравнительной исторической социологии), использовал конкретные исследования для иллюстрации универсальной дедуктивной теории. Будучи приверженцем сравнительного исторического подхода, Вебер никогда не претендовал ни на что иное, кроме как на создание опытных, вероятностных обобщений связей, существующих между религиозной верой и экономическим поведением, между принадлежностью к определенному социальному классу и религиозными верованиями и т.д. Столь скромные цели обуславливались его моделью генерирования социального научного знания.

На основании нашей короткой экспозиции некоторых аспектов веберовского и дюркгеймовского подходов к религии можно сделать ряд выводов. Прежде всего, социологический анализ религии не может не опираться на весь комплекс теоретических воззрений о природе общества и социального действия, а также способов получения социологического знания. Даже те наблюдатели, которые являются наиболее откровенными противниками теории, оказываются, вопреки собственному желанию, втянутыми в сложные формы теоретизирования. Так, уже простой сбор данных о религии (или другом объекте) подразумевает теоретическое определение социального мира как совокупности определенных образцов поведения, которые могут исследоваться указанным образом. Утверждение, что социальный мир – это набор социальных фактов, взаимоотношения и свойства которых могут быть исследованы посредством наблюдения, само является теоретическим постулатом, и отнюдь не самоочевидным.

Более того, формы теоретизирования, используемые при конкретном анализе социального действия (включая используемые Вебером и Дюркгеймом), несмотря на их различия, поддаются сравнительной

оценке. Это обстоятельство подкрепляет наш центральный тезис и в то же время требует некоторых уточнений.

Хотя и верно, что социологическое теоретизирование в настоящее время характеризуется разнородностью, мы убеждены, что лежащий в основе порядок может быть тем не менее найден. Социологическое теоретизирование имеет *структуру*. Она не является результатом консенсуса среди социологов по вопросу о природе социальной реальности или путей, посредством которых конституируется знание социального. Скорее, этот лежащий в основе порядок проистекает из того факта, что все социологи должны ставить определенные фундаментальные вопросы, ответы на которые являются предварительным условием всякого социологического исследования. Существует, на наш взгляд, два таких вопроса, которые невозможно обойти, и все социологическое знание является, по существу, ответом на них: 1) Какова природа социальной реальности? 2) Каков наилучший способ получения знаний о ней? Эти вопросы неизбежно встают перед каждым социологом, и даже отказ от их обсуждения сам по себе означает определенный способ решения связанных с ними проблем. Например, суждения о том, что такие вопросы «не имеют отношения к делу», поскольку «социальная реальность» «самоочевидна», уже содержат в себе определенный ответ, предполагающий определенную теоретическую позицию. Мы не считаем, что все социологи осознанно и направленно обдумывают эти вопросы до того, как приступить к своим конкретным исследованиям, хотя некоторые поступают именно таким образом. Мы не исходим также из того, что социологи *должны* всегда делать это. Нет необходимости в том, чтобы полностью удовлетворительные ответы на эти вопросы были найдены до начала социологического анализа. Но мы убеждены, что социологический анализ обязательно предполагает ответы на указанные вопросы независимо от того, признает это исследователь или нет. Используя аргументы, верования и послышки относительно объекта изучения и способов приобретения надежного знания о нем, социология предоставляет нам основу для понимания или осмысления того или иного конкретного социологического начинания.

Далее мы рассмотрим ответы, которые социологи дают на каждый из этих вопросов. Обратимся сначала к проблеме социальной реальности.

ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МАТЕРИАЛЬНАЯ ИЛИ ИДЕАЛЬНАЯ?

Ответы на вопрос относительно природы социальной реальности всегда вращались вокруг двух аспектов социальной жизни: ее существования как набора материальных явлений или как совокупности идей относительно материального мира. Этот дуализм является не столько наблюдаемым состоянием дел, сколько характеристикой всех попыток теоретизирования на тему о том, к какому типу «объектов» относится социальная реальность. Эти две возможности – материализм и идеализм – дают альтернативное решение вопроса о природе социальной реальности.

Те, кто подчеркивает материальный характер социальной реальности, считают, что человеческую деятельность точнее можно охаракте-

ризовать как поведение, обусловленное влиянием материальных условий. Феномены природы определяют границы наших возможностей как человеческих существ, идет ли речь о климате, силе тяжести или наших физических данных. Социальные явления сами по себе также рассматриваются как материальные и по преимуществу ограничивающие, говорим ли мы о формах социальной организации, производственных системах, средствах насилия, культурных артефактах и т.д. В этом случае при объяснении крупных процессов социальной жизни подчеркивается факт их материальности.

Подобный подход часто связан с доктриной натурализма, предполагающей существование минимального различия между человеческим поведением и поведением животных или даже неодушевленных предметов. Тот факт, что люди являются «целеполагающими» и «мыслящими» существами, не создает серьезных препятствий для применения методов и техники естественных наук к предмету социальных дисциплин. И природный, и социальный миры представляются как в одинаковой мере материальные сущности, внешние по отношению к наблюдателю, «связи» которого с этими мирами устанавливаются через его нервную систему, ее материальные свойства. Науки, естественные и социальные, характеризуются, таким образом, единством.

С альтернативной – идеалистической – точки зрения указанная выше позиция полностью игнорирует значение и специфику человеческой деятельности. Речь идет об уникальном факте использования сложных систем лингвистических знаков и культурных символов с целью показать себе и другим, что они намерены делать. Подобная точка зрения предполагает, что человеческая деятельность является не поведением (адаптацией к материальным условиям), а выражением смысла, который люди придают (посредством языка) своим поступкам. Социальное действие поэтому всегда является процессом наделения ситуации смыслом, и именно смыслы, идеи, символы и т.д. составляют «материю» социального мира.

Утверждается, что такая деятельность, как богослужение или самоубийство, не является просто набором отдельных поведенческих актов, имеющих место при определенных материальных условиях (аналогичных сезонной миграции птиц). Посещение церкви, преклонение колен, прыжок с высокого дома или под поезд не могут быть поняты вне контекста социальных правил и культурных смыслов и могут быть расшифрованы наблюдателем только благодаря использованию им собственных интерпретационных способностей. В социальных науках, таким образом, мы вынуждены «интерпретировать смысл» социальных событий, используя такие термины, как «желание», «любовь», «благо» и т.д., которые либо вовсе не применяются в естественных науках, либо используются совершенно иным образом.

В природном мире, как предполагается, неодушевленные объекты лишены способности осознавать смысл своей деятельности. Объекты естественной науки подчиняются законам, в то время как люди подчиняются правилам культуры, которые неприменимы к природному миру. Когда вы *подчиняетесь* законам государства, это не тождественно ситуации, в которой камень *подчиняется* законам гравитации, будучи брошенным в воздух. Это не означает, что вы вольны в том, чтобы не подчиниться государственному закону, в то время как ка-

мень не может не подчиниться гравитации. Это означает, что вы можете *размышлять* о том, подчиниться или не подчиниться государству, и, принимая то или иное решение, вы не можете не задумываться над тем, что представляют собой законы государства и каковы вероятные последствия вашего действия. Это интерпретируемое воображение будущего состояния дел является главным элементом настоящего действия. Любая попытка объяснить социальное действие в терминах существующих материальных условий упускает из виду способность человека действовать в рамках смысла, который не может быть привязан к материальному настоящему или прошлому.

Таковы два альтернативных решения вопроса о том, чем является социальная реальность. Как материалистическое, так и идеалистическое решения являются исчерпывающими и взаимоисключающими; они могут быть выражены в присущей им терминологии. В дальнейшем мы разовьем этот несколько упрощенный подход. Здесь же мы выделили лишь одно измерение теории: дуальность материализма и идеализма.

ПОЗНАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: НОМИНАЛЬНА ИЛИ РЕАЛЬНА ОНА?

В социологии представлены два отчетливо сформулированных альтернативных решения вопроса о возможности познания социальной реальности. Первое – исходит из того, что понятия, которые мы используем для описания и объяснения мира, такие, как «религия», «бюрократия» или «социальный класс», это всего лишь удобные *имена*, которые созданы для того, чтобы обобщить *отдельные* явления, образующие социальный мир. Реальность социального мира (материален он или идеален) заключается в том, что он состоит из уникальных отдельных событий и явлений. С подобной точки зрения реальность университета, например, составляют все отдельные действующие субъекты и виды их деятельности, образующие его в какой-то конкретный момент. Используя обобщающий термин «университет», мы тем самым признаем удобство обобщения или сведения воедино всех этих уникальных элементов. Это означает, что существует возможность обобщенно рассуждать о всех тех уникальных интеракциях, которые образуют университет или какую-либо социальную группу.

При познании социальной реальности нет, таким образом, ничего предосудительного в использовании подобных общих выводов до тех пор, пока мы не принимаем ошибочно эти общие термины (имена) за саму реальность. А она остается совокупностью отдельных событий. Такой базисный подход к проблеме познания обычно обозначается как *номинализм*. Ошибочное наделение общих понятий реальностью обычно называется *овеществлением*. Подобное заблуждение проявляется в том случае, когда мы, например, говорим, что социальные классы «действуют, исходя из собственных интересов». Социальные классы не могут иметь интересов, поскольку социальный класс – это имя, которое мы присваиваем какой-то совокупности конкретных социальных взаимодействий. Они не могут действовать и потому, что только индивиды способны к действию. Наделять подобными способностями социальные классы, государства или даже общество в целом означает впасть в грех овеществления.

Разумеется, язык социологии наполнен общими, коллективными и структурными терминами. Но следует признать, что они – всего лишь концептуальные «договоренности в целях удобства». Таким образом, номинализм – это не просто отрицание всяких попыток утверждать, что коллективное образование способно действовать. Номинализм отрицает также всякие «неуместные» попытки соотносить действия с реальностями, которые будто бы являются «чем-то иным, нежели» или «выходят за пределы» конкретных компонентов нашего социального опыта. Когда Вебер говорит о «религии Китая», он всего лишь обобщает те «типичные» способы, посредством которых совокупность индивидов, проживающих на определенной конкретной территории, решает проблемы высшего смысла. «Единство» и «общность», предполагаемые выражением «религия Китая», являющиеся результатом концептуальной деятельности Вебера. В целях получения знания он пишет таким образом, «как если бы» подобное единство существовало. Номинализм – это определенный способ преодолеть невозможность познания социальной реальности во всех ее частностях.

Альтернативная номинализму точка зрения исходит из того, что значение научных понятий заключено в их способности «обнаруживать» социальную реальность, непосредственно не доступную наблюдению. Понятия вовсе не обобщают наблюдаемые частности, они действительно пробиваются к реальности, которая лежит в основе и объясняет отдельные события. Вспомним высказывание Маркса о том, что, если бы социальные структуры были даны в опыте, нужды в науке вообще не было бы. Данная позиция обозначается как реализм. Как отмечалось выше, интерес Дюркгейма к племенам арунта объяснялся не стремлением описать их специфические религиозные верования и деятельность, с тем чтобы данное описание можно было присовокупить или сопоставить с аналогичными описаниями других обществ. Цель была в другом – найти материал для иллюстрации «элементарных форм» всякой религии как универсальных или общих структур, которые характеризуют общества вообще.

Ответы на два наших вопроса создают основу для классификации социологического теоретизирования по четырем пунктам. Их можно показать с помощью диаграммы (см. рис. 1).

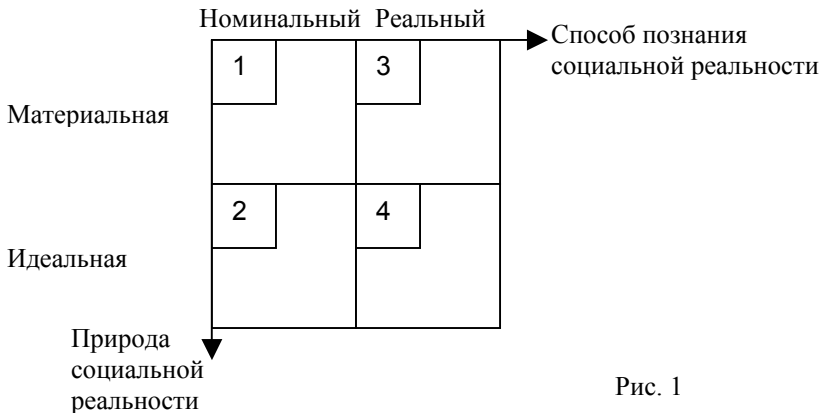

Рис. 1

Эта классификация, как мы постараемся обосновать, дает основу для анализа структуры теоретической социологии. Элементы классификации ни в коей мере не являются новыми, они часто использовались в альтернативных классификациях (см., например: Keat and Urry, 1975; Bencon, 1977; Burrell and Morgan, 1979; Dawe, 1970; Robertson, 1974). Дуальность материализм–идеализм была использована Талкоттом Парсонсом в качестве организующей темы при попытке реконструировать социальную теорию в книге «Структура социального действия» (Parsons, 1949). Многие марксистские критики академической социологии также выдвигают эту дуальность на передний план в своем стремлении отвергнуть все формы идеализма. Дискуссия относительно того, можно или нет использовать методы естественных наук в социальных науках, также вращалась вокруг вопроса о том, должны ли интерпретации (идеи), которые субъекты дают материальным условиям своих действий, наделяться приоритетным значением в социальной реальности. Наш текст выходит за пределы подобного представления о том, какие вопросы являются важнейшими в социологии, и увязывает альтернативные решения этих вопросов с проблемой познания социальной реальности.

Этот последний вопрос и предлагаемые номинализмом и реализмом альтернативные варианты его решения гораздо реже дебатировались социологами. Если он и становится предметом споров и дискуссий, то лишь как аспект других вопросов. Например, длительная дискуссия о первичности системы/общества/структуры или действующего субъекта/индивида включала некоторые компоненты тех вопросов, которых мы касались, проводя различие между номинализмом и реализмом. Реализм в качестве объекта социологии рассматривает «социальные факты» или «структуры» отношений. Они, по Дюркгейму, *sui generis* (совершенно своеобразны) и несводимы к особым индивидуальным элементам. В силу этого реализм являет сходство с позицией, подчеркивающей первичность структуры, но это сходство не является полным. Подобным образом и номинализм, который исходным пунктом признает действующего субъекта, тем не менее принимает во внимание системные или структурные ограничения, воздействующие на действующего субъекта, или ограничения, возникающие в процессе взаимодействия субъекта с *другими действующими субъектами* в обществе, которое само конструируется как эмерджентная «система» взаимодействий. Таким образом, начинать с актера не означает отрицать систему, скорее речь идет о специфической концептуализации отношений между ними. Если же действующие субъекты или индивиды рассматриваются *сами по себе*, то это означает отказ от социологического анализа.

Номинализм в полной мере согласуется со структурно-функциональным объяснением отношений между семьей и индустриализацией, которое делает упор на появлении «нуклеарной» семьи, лишенной производственных и хозяйственных функций и ограничивающейся обеспечением эмоционального комфорта своих членов за пределами рынка труда. До тех пор, пока при подобном анализе подчеркивается первичность структуры, институционального напряжения и приспособления, имеющих место «за спинами» исторических актеров, номинализм может сохранять свои позиции. Но при этом обязательно должно соблюдаться следующее «правило»: подобные структурные ограничения не следует понимать как

нечто овеществленное. Эти ограничения могут рассматриваться как события и действия, оказывающие конкретное воздействие на отдельные семьи. Функционалистский подход просто гипостазировывает обобщения относительно воздействия индустриального производства на семьи в рамках рыночной экономики. Такое обобщение, даже если оно обоснованно, остается сводкой отдельных событий.

СТРУКТУРА ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ: ЧЕТЫРЕ СТРАТЕГИИ

Диаграмма, предложенная выше, указывает две совокупности противоположных ответов на два вопроса, которые, как мы считаем, следует противопоставить друг другу в качестве логического предварительного условия социологического анализа. Различные комбинации решений указанных вопросов порождают четыре стратегии социологического теоретизирования. Эти стратегии и их взаимосвязи дают основу для понимания различных конкурирующих теоретических проектов в социальных науках. Наш анализ основывается на приверженности реалистической позиции, признающей объектами социологического исследования структуры, лежащие в основе социальной жизни. Данная позиция, естественно, нуждается в обосновании.

Для начала мы можем обозначить четыре стратегии, о которых идет речь, заполнив соответствующие клетки на рис. 2.

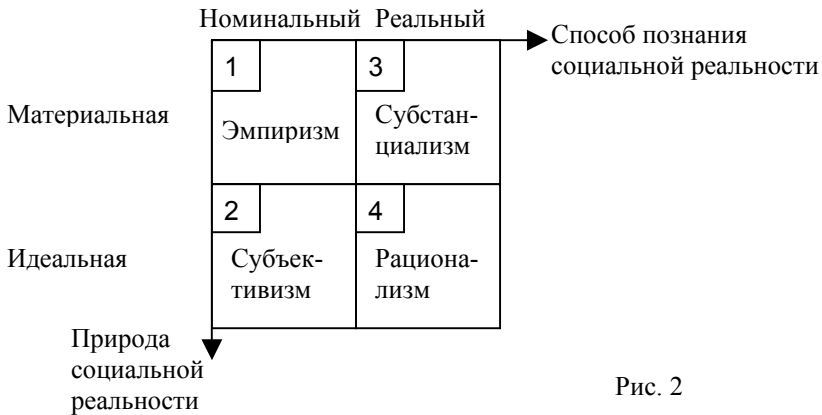

Рис. 2

Рассмотрим кратко основные характеристики каждой из этих стратегий.

I. *Эмпиризм.* Эта стратегия сочетает материалистическое и номиналистическое решения и предполагает, что человеческую деятельность следует понимать как наблюдаемое поведение, имеющее место в наблюдаемых материальных условиях среды и организма. Знание приобретает посредством систематического наблюдения (чувственного опыта), а также экспериментального или сопоставительного анализа. Согласно эмпиристской позиции «наблюдать» значит обращаться к содержанию нашего чувственного опыта, трактуемого как факты, чувственные данные или чувственные впечатления. Вообще говоря, наблю-

дать согласно эмпиризму означает видеть мир таким, каким он непосредственно отражается в чувствах наблюдателя. Такое знание обычно принимает форму вероятностных обобщений по поводу отношений между наблюдаемыми явлениями. Это предполагает тщательное накопление фактов, связанных с постоянными наблюдениями. Например, возникновение забастовок можно последовательно увязывать с размерами промышленности, типом технологии, уровнем инноваций, характеристиками рабочей силы, местной политической культурой, управленческой практикой, уровнем членства в профсоюзах, общим уровнем экономической активности и т.д. Это перечисление возможных и значимых факторов не является, по определению, окончательным, и результаты исследования всегда носят опытный характер. «Лоскутное» воззрение на социальный мир, являющееся следствием описанного подхода к познанию, обусловлено взглядом на общество как на поток отдельных событий, лишенный глубинного порядка. В итоге эмпиризм не способен на большее, чем суммирование плодов наблюдения. Эмпирические обобщения могут выходить за пределы наблюдения только в качестве гипотетических утверждений, а это значит, что «законы» суть всего лишь эмпирические обобщения. Еще одной отличительной чертой эмпиризма является стремление к тому, чтобы все понятия, используемые в описаниях и объяснениях, определить в терминах наблюдения.

Язык теоретической социологии понимается как удобная «стенографическая» запись в целях организации и суммирования наблюдений. Понятия, которые не могут быть редуцированы в этом смысле, воспринимаются с подозрением как «философские» и подлежат изгнанию из социальных наук. Наглядные примеры можно найти в эмпирической интерпретации и трансформации таких реалистских понятий, как anomia и отчуждение, взятых соответственно из произведений Дюркгейма и Маркса. Оба понятия подвергаются переинтерпретации в том смысле, что должны соотноситься с наблюдаемыми поведенческими состояниями, отражающими недовольство теми или иными условиями труда. Понятия изымаются из первоначального местоположения – сферы институциональной организации индустриального капитализма.

II. *Субъективизм.* Эта стратегия сочетает идеалистическое и номиналистское решения, а также включает воззрения, конструирующие социальный мир как продукт интерпретационной деятельности индивидуальных действующих субъектов. Поскольку социальная реальность есть не что иное, как опосредованный итог индивидуальных интерпретаций «происходящего», то исследователь вряд ли может надеяться на что-то большее, чем просто «место» в этом осмысленном диалоге, который постоянно конституирует и реконституирует социальный мир. Исследователь также занят интерпретацией «происходящего». Социальная наука не является поэтому каким-то особым или предпочтительным объяснением социальных процессов. Она должна стремиться лишь к воспроизведению интерпретаций социальной реальности акторами. В рамках такой стратегии установление того, что представляют собой забастовки вообще или конкретная забастовка, является осмысленным предприятием только в том случае, если все рассматривается в терминах, посредством которых действующие субъекты интерпрета-

тивно конституируют подобные явления. В противоположность эмпиризму субъективизм считает, что подобные события нельзя описать с помощью фактов вне зависимости от субъективной интерпретации. Поэтому забастовка, например, это не какой-то вид поведения, который можно напрямую соотнести статистически с другим фактом или фактами. Ее содержание можно выяснить, опираясь на объяснения и интерпретации действующих субъектов социального мира: рассказы самих забастовщиков, мнения менеджеров, представителей общественности и т.д. Забастовка – это не «вещь», независимая от тех или иных интерпретаций. Она – сами эти интерпретации.

III. *Субстанциализм*. Это стратегия, которая сочетает материалистическое и реалистское решения и соответственно представляет социальный мир как материальную структуру отношений, недоступную непосредственному наблюдению. В действительности то, что можно наблюдать, должно, в свою очередь, быть объяснено через основополагающую структуру материальных отношений. Например, забастовки как определенный аспект всего спектра индустриальных конфликтов могут быть объяснены в терминах теории капиталистического способа производства, которая считает господствующую форму отношений антагонистической и эксплуататорской, то есть результатом присвоения прибавочной стоимости. Структура производственных отношений служит контекстом, в котором потенциально укоренены забастовки в обществе и в терминах которого можно объяснить различия в их размахе, связанные с такими факторами, как технология, размер промышленности и т.д.

IV. *Рационализм*. Эта стратегия возникает из сочетания идеалистического и реалистского решений. В соответствии с данной стратегией общество понимается как объективная и ограничительная структура идей. В отличие от субъективистов, рационалисты считают, что идеи и смыслы не являются достоянием индивидов, они находятся за пределами всякого индивидуального сознания. Идеи устанавливают пределы и возможности осмысленного действия индивидуальных действующих субъектов. С позиций этой стратегии забастовки могут анализироваться как следствие противоречивости или отказа объективных моральных кодов, которые определяют права и ответственность профессиональных групп, горизонтально и вертикально связанных в рамках социального разделения труда. В результате становятся неизбежными схватки за распределение доходов на основе принципа «справедливости». Культурные смыслы или коды подобного рода также недоступны наблюдению. Рационализм, как и стратегия субстанциализма, ориентирован на их выявление с помощью теоретических понятий. Эти понятия связывают указанные смыслы с теми аспектами нашего непосредственного опыта, которые требуют объяснения.

СТРАТЕГИЯ И ПРОЕКТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЦЕЛИ

В качестве возражения на наше утверждение о том, что обрисованные четыре стратегии дают исчерпывающую характеристику способов теоретизирования в социологии, можно было бы указать, что такой подход чрезвычайно упрощает сложность и многообразие этой дисципли-

лины. Второе возражение, связанное с первым, может состоять в том, что только при очень наивном подходе столь «крайние» решения проблем природы социальной реальности и генезиса социологического познания могут характеризовать воззрения отдельных социологов и социологических школ. Третьим возражением, несомненно, могли бы стать заявления отдельных критиков о том, что некоторые из представленных нами стратегий даже не являются правомерными подходами к конструированию социальной науки и в силу этого их вообще следует отвергнуть.

Обратимся прежде всего к проблеме сложности и чрезмерного упрощения. Изображение стратегий на диаграмме в виде четырех прямоугольников не следует понимать так, что мы считаем их четырем четко разделенными, исключающими друг друга позициями, к которым можно «отнести», возможно с некоторой натяжкой, всех практикующих социологов. Мы специально выбрали термин «стратегии», с тем чтобы указать на активный, конструктивный процесс теоретизирования, в котором альтернативные решения образуют скорее *поля напряжения*, а не установившиеся, застывшие позиции. Поэтому теоретизирование в социологии является не столько продуктом того, что представлено в том или ином прямоугольнике, – эмпиризма, субъективизма, субстанциализма или рационализма, – сколько продуктом полей напряжения, действующих в плоскости осей диаграммы. Указанные стратегии не следует, да в действительности и невозможно рассматривать изолированно друг от друга.

Отдельные теоретики или социологические школы могут отдавать предпочтение какому-либо из стратегических решений. Но при этом они так или иначе непременно обращаются к проблемам, поставленным альтернативными стратегиями. Поэтому каждая из стратегий является диалогом, опосредующим процессом, который пытается справиться с устойчивыми социологическими парадоксами, порождаемыми альтернативными решениями: между фактом и теорией, свободой и детерминизмом, структурой и действием, смыслом и условием и т.д. Каждая теория представляет собою более или менее сложную попытку опосредования конкурирующих притязаний, но попытку, осуществляемую с позиций какого-либо определенного *стратегического предпочтения*.

Наша диаграмма показывает, что именно опосредуется, о чем спорят представители разных направлений, а также помогает оценить успешность подобных попыток разрешения дилемм социологии.

Одним словом, у нас нет намерения втиснуть сложность социологии в границы четырех указанных стратегий. Мы хотим показать, что процесс диверсификации обладает собственной структурой, включая структуру напряжений. Теперь мы можем воспроизвести диаграмму таким образом, чтобы она проиллюстрировала сказанное (см. рис. 3).

Стрелки показывают поля напряжений и связанные с ними дилеммы. Поля возникают в результате осознания необходимости учитывать правомерность притязаний, выдвигаемых альтернативными стратегиями. Другая причина их возникновения в том, что каждая стратегия сталкивается с внутренними проблемами, подрывающими ее способность обосновать свои позиции в собственных терминах. Таким образом, существуют притяжения и отталкивания во взаимоотношениях между стратегиями, что приводит к «дрейфу» конкретных теоретиков от одной

стратегии к другой. Для стратегии характерны отношения как противостояния, так и схождения. Каждая из них разделяет определенную совокупность решений с альтернативной стратегией, но при этом они различаются в других отношениях. Коснемся кратко вопроса о схождении и различии.

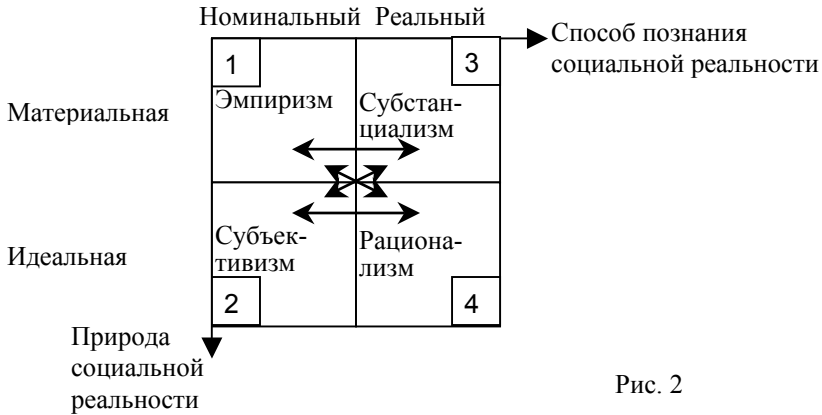

Рис. 2

Эмпиризм, например, сходится с субстанциализмом в признании материальности мира, внешнего по отношению к сознанию и ограничивающего его, но расходится с ним, утверждая, что знание о внешнем мире приобретаетс посредством наблюдения или чувственного опыта. Здесь заключен источник *внутренних* проблем, которые вытекают из противоречия, присущего утверждению, что знание есть продукт опыта. Ведь его нельзя подтвердить посредством опыта, источника всякого познания. Более того, притязания эмпиристов на производство знаний о материальном мире выглядят довольно слабыми, когда при этом заявляют, что обобщения – это вовсе не обобщения относительно реальности, а в лучшем случае мимолетные впечатления, концептуально упорядоченные в утверждениях, отражающих регулярность явлений, но обладающих незначительной предсказательной способностью. На практике многие приверженцы эмпиризма «дрейфуют» к субстанциализму, когда утверждают, что их понятия действительно «схватывают» реальность, что социальный класс, например, это не понятие, а нечто реальное, существующее «где-то там». Еще одним источником непоследовательности эмпиризма является посылка о том, что наблюдения могут регистрировать «нейтральные» факты. Такой подход требует нейтрального в теоретическом отношении языка для описания таких фактов, а это требование зачастую ведет к дрейфу по направлению к субъективистской стратегии и интересу к языку как к средству интерпретации. Стратегия эмпиризма нередко приводила к конфронтации с субстанциализмом и субъективизмом.

Сходство субстанциализма с эмпиризмом как бы компенсируется тем, что первый разделяет с рационализмом стремление выйти за пределы чувственных данных или фактов с целью выявления ненаблюдаемых структур, имеющих ключевое значение для объяснения мира.

Для решения подобной задачи субстанциализм должен признать взгляды рационализма относительно того, что знание конструируется с помощью теории. Но при этом сохранить мнение о том, что познание улавливает реальность внешней материальной действительности. Для обеспечения полноты картины симметрии и взаимосвязанности стратегий можно указать на то, что рационализм разделяет с субъективизмом воззрение, согласно которому человеческая деятельность есть символический феномен. Пытаясь избежать импликаций воззрения, в соответствии с которым социальная реальность полностью создается личными интерпретациями или «множественностью частных миров» (а это означает отрицание возможностей социологии), субъективисты выдвигают идею, согласно которой индивиды, символически конструирующую реальность, делают это *интерсубъективно* (через отношение друг с другом). Но признание существования «совместных правил», объединяющих индивидуальные субъективности, означает, что субъективисты переходят на позиции приверженцев рационализма, рассматривающих культурные правила как объективные реальности, ограничивающие, но в то же время объясняющие интерпретационную деятельность индивида.

Основные моменты сходства стратегий социологического теоретизирования позволяют сгруппировать альтернативные подходы следующим образом: с одной стороны, субъективизм – эмпиризм – субстанциализм, с другой – субъективизм – рационализм – субстанциализм. Сохраняющиеся между ними противоположности являются предметом постоянных дискуссий, а именно: между эмпиризмом и рационализмом, субъективизмом и субстанциализмом. Таким образом, спорные вопросы в социологическом теоретизировании обычно связаны с исследованием присутствия всем напряжений и главных противоречий. Так, хотя эмпиризм противостоит всем другим стратегиям, в наибольшей степени он оппозиционен по отношению к рационализму; и доминирование в недавнем прошлом эмпиризма в социологии привело практически к изгнанию рационалистских подходов как неприемлемых в науке.

Главное, что мы хотели бы подчеркнуть, это мысль о том, что указанные стратегии не являются *изолированными* решениями фундаментальных проблем социологической теории. Они постоянно взаимодействуют друг с другом, что существенно усложняет определение стратегий. Существует еще один источник сложности, имеющий большое значение для наших рассуждений. Это различие между *теоретической стратегией* и *теоретическим проектом*. Конкретные социологи и социологические школы, обращаясь к проблемам, вытекающим из конфликтующих и сходных стратегий, конструируют различные проекты, которые включают не только стратегические решения, но также методологические правила, исследовательские программы, предметные исследования, социальные интересы.

Проект нельзя просто свести к стратегии, с которой он связан. Степень интереса и значимости проекта характеризуются новизной и плодотворностью предлагаемых им конкретных решений. Понятие «проект» содержит в себе указание на то, что социологическое теоретизирование не является лишь постоянным, неизменно повторяющимся процессом применения четырех указанных стратегий, и неизменность стратегии

конструирования проектов вовсе не означает, что нет ничего нового под Солнцем или что нельзя достичь прогресса в развитии социальной науки.

Маркс, к примеру, отвергал гегельянскую социологическую теорию в силу ее идеализма, исходя из субстанциалистской точки зрения. Вместе с тем он не воспроизводил механически материализм предшествующих субстанциалистов, таких, как Фейербах. Маркс отвергал «пассивный» материализм Фейербаха (представление о том, что люди приспособляются к материальной среде), и в то же время стремился интегрировать в «собственный» материализм «активную» сторону идеализма, соглашаясь с положением, что люди сами активно создают свою собственную историю. Принимая «активную» сторону идеализма, Маркс отвергал гегельянский взгляд на общество *как на субъект*, способный действовать. При этом он опирался на эмпиризм, заявляя, что историю творят «реальные конкретные люди», а не Идея. Субстанциалистская стратегия Маркса заключалась в воззрении, что эти «реальные люди» включены в структуры материальных отношений (производительных сил и производственных отношений), динамика развития которых определяла условия, в которых люди могли или не могли создать историю. В результате материализм Маркса был совершенно непохож на предыдущие версии материалистических воззрений. Его проект разрешения стратегических проблем был и уникальным, и новаторским.

Два источника сложностей – «стратегии» и «проекты» – образуют основу разнообразия и инновационного потенциала социологической теории, сохраняя при этом представление о ней как о структурированном процессе, в рамках которого подобное разнообразие и инновация имеют смысл.

Третье потенциальное возражение против нашей схемы, как отмечалось выше, заключается в том, что данные стратегии нельзя рассматривать как надежные подходы к разработке *социальной науки*. Это возражение порождается теми самыми стратегическими оппозициями, которые мы очертили. Примером этого является отрицание рационалистских устремлений со стороны ученых, опирающихся на эмпирические послышки. Так, взгляды рационалистов обычно квалифицируются как «ненаучные» или «метафизические» на том основании, что они не приводят к созданию проверяемых гипотез, – то есть гипотез, которые можно было бы проверить с помощью эмпирических фактов. Данный аргумент опирается на здравый смысл, согласно которому наука укоренена в эмпирических фактах. Рационалистическая стратегия, находящаяся в поиске параллелей между логикой теории и логикой социального мира, противоречит подобным распространенным представлениями о природе науки и надежном знании. Роль, которую рационализм играл и продолжает играть в развитии социальной теории и «науки», нельзя отрицать только исходя из чьих-то желаний. Не можем мы и просто игнорировать ту критику эмпиризма, которая разработана в рамках рационалистической стратегии. Наша точка зрения заключается в том, что для понимания структуры теоретической социологии необходимо воздать должное каждой из указанных стратегий-проектов.

Наш проект состоит в том, чтобы помочь изучающим социологию овладеть разными, зачастую конфликтующими стратегиями в социоло-

гии и сделать это таким образом, чтобы акцентировать внимание на моментах как единства, так и разнообразия. Мы не стремимся «подогреть» философские теоретические дискуссии, наша цель состоит в том, чтобы установить основания, на базе которых делается выбор в социальной теории, обозначить стратегии исследования и выявить дилеммы, которые ими порождаются. Только освоив социологическое наследие, поняв условия его единства и разнообразия, можно положить начало новым плодотворным подходам. Как мы показали на примере изучения религии, конкретное исследование социальных отношений непосредственно зависит от совокупности явных или неявных посылок относительно природы социальной реальности и возможностей ее познания. Поэтому, фокусируя внимание на систематическом рассмотрении структуры возможностей, доступных социологу, мы не просто ставим абстрактные вопросы ради них самих, но надеемся прояснить условия, исходя из которых осуществлялись и могут осуществляться исследования религии.

Подчеркивая условия единства социологии, кажущейся некоторым фатально фрагментированной, а то и хаотической дисциплиной, мы не пытались объединить «социологию», трактуя ее с позиций какой-то одной, приоритетной для нас стратегии. Мы предпочитаем, чтобы каждая стратегия «говорила сама за себя», не исключая при этом другие точки зрения. Наша позиция заключается в том, что, решая тождественные проблемы, каждый социолог вынужден сталкиваться или вступать в диалог с альтернативными подходами, хотя бы только для того, чтобы затем отвергнуть их. Это не означает, что все социологи, занятые разработкой, скажем, «субъективистского проекта», будут развертывать открытую критику эмпиризма или субстанциализма. Скорее, дело обстоит таким образом, что, приступая к подобному проекту, социолог уже делает выбор, который молчаливо исключает альтернативные решения рассматриваемых проблем. Так же как и в сфере личного взаимодействия, умолчание в социальном анализе столь же важно для понимания коммуникации, как и написанное или произнесенное слово.

Сказанное подводит нас к рассмотрению нашего собственного проекта или «предпочтения». Предоставляя возможность различным стратегиям говорить самим за себя, мы не можем избежать вовлечения в процесс, который описываем. А это означает, что мы конституируем проект с позиций какой-то определенной стратегии. Характер этой стратегии достаточно очевиден. Выше мы ссылались на «основополагающее единство» социологии, которое «можно реконституировать». В предыдущем абзаце мы отметили, что «умолчание» столь же важно, как и то, что говорится (то есть наблюдаемое – это еще не все). Эти и подобные им замечания наглядно свидетельствуют, что наш собственный выбор носит *реалистский*, а не номиналистский характер. Говорить об основополагающей «структуре единства» или об «умолчании» означает отдавать предпочтение такому решению проблем, которое исключает некоторые основные послылки эмпиристской стратегии, а также ряд субъективистских подходов. Сказанное подтверждает, что мы так же ограничены структурой своего выбора, как и рассматриваемые нами теории.

ЛИТЕРАТУРА

- Кун Т.** Структура научных революций. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1975.
- Benton T.** Philosophical Foundation of the Three Sociologies. London: Routledge & Kegan Paul, 1977.
- Burrell G. and Margan G.** Sociological Paradigms and Organizational Analysis. London: Heinemann, 1979.
- Cicourel A.** Cognitive Sociology. Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Dawe A.** The Two Sociologies // British Journal of Sociology, 1970, v.21, p.207–218.
- Garfinkel H.** Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1967.
- Keat R. and Urry J.** Social Theory as Science. London: Routledge & Kegan Paul, 1975.
- Parsons T.** The Structure of Social Action. Glencoe (Ill.): Free Press, 1949.
- Robertson R.** Towards the Identification of the Major Axes of Sociological Analysis. In: J.Rex (ed.). Approaches to Sociology. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.
- Winch P.** The Idea of a Social Science. London: Routledge & Kegan Paul, 1958.